

РАССКАЗЫ

«БРИТВА ОККАМА»

Уже второй час кряду император Священной Римской империи германской нации Людвиг Баварский сидел на этом весьма странном мероприятии и все никак не мог взять в толк, чего от него хотят эти смешные и нелепые люди. Верховный суд его королевства рассматривал рядовое бытовое преступление: один сельчанин потравил поле у другого и отказывается признавать свою вину. Нудно, грустно, скучно и противно. А за окном царила золотая баварская осень и шумел беззаботный пенный пивной фестиваль.

Он знал, что в двадцати пяти верстах от Мюнхена в живописном месте под названием Фюрстенфельдбрукк вблизи одноименного цистерцианского мужского монастыря придворные томились в ожидании Его Величества на охоте — матерый медведь уже был затравлен и ждал лишь окончательного меткого выстрела главного охотника. А он вместо того, чтобы это сделать, вынужден был сидеть и выслушивать бредни этих мужланов и смотреть на постные рожи своих придворных клерикалов. От всего этого у него давно уже болела голова, и он не знал, куда ее ему деть.

«Они меня доведут до инсульта...» — невольно подумалось императору.

В голове у монарха зудила навязчивая мысль, где ему взять деньги для похода в Италию против римского папы, а тут спор о каком-то стоге сена.

Вдобавок ко всему его жена — глупая голландская гусыня — притащилась на это дело с их старшим сыном, которого вздумала учить на этой глупости, как управлять империей.

«Чушь! Полная дичь! — в глубине души возмущался император. — Дело яйца выеденного не стоит, а тут нас позвали, приперся епископ, великий инквизитор, да еще и всех моих ученых академиком зачем-то пригнали... Ребятам явно нечего делать. Им развлечение, а мне мука...»

Император Людвиг чувствовал, что за всем этим делом кто-то или что-то стоит, но вычислить этого закулисного кукловода он пока не мог. Что-то постоянно выпадало из поля его критического зрения, и он бесцельно блуждал в лабиринтах своего разума, потеряв всякую надежду когда-либо из этой бездны выбраться.

По ходу судебного дела фермер обвинял своего соседа-пивовара в том, что он прошлой ночью потоптал ему пшеничное поле и нанес ущерб на кругленькую сумму. Обвиняемый все отрицал и утверждал, что ночью спал с женой. Их пререкания затянулись: фермер назвал жену пивовара «шлюхой», пивовар нарек фермера «придурком». Соседи бранились, словно тешились... Они были друзьями детства, поэтому могли нагородить друг о друге бог весть что.

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук. Живет в Астрахани.

Пивовар не был готов к продолжительному конструктивному диалогу. Он с самого утра остро хотел пива и понимал, что пиво тоже очень хочет его. У них это чувство было взаимным после того, как в детстве он свалился в бочку с этим хмельным напитком и чуть было в нем не утонул.

— Это он под покровом ночи шастал по моим полям и вытаптывал на них всяческие безобразия! — обвинял пивовара фермер. — Его злонамеренные действия я объясняю тем, что он приревновал меня к своей жене! Я не знаю, кто распускает эти гнусные сплетни, но я уважаемый в округе человек, и мне некогда заниматься подобными глупостями...

Дальше слово взял прокурор:

— Ваша честь! — обратился он к судье. — На место преступления была направлена наша специальная комиссия, которая установила потраву полей. Следствием установлено, что поваленные колосья подломаны, безобразно повалены и хаотично помяты.

— Ваша честь! — обратился после него адвокат обвиняемого к судье. — Мой подзащитный утверждает, что весь вечер и всю ночь пил в обществе своих друзей и ничего подобного не совершал...

— Он просто этого не помнит! — перебил его прокурор. — А у нас есть свидетели, которые видели, как он с пустой бочкой бродил ночью по полям и мял хлебные колосья...

— Да это был не я... — рассеянно бормотал в свое оправдание пивовар. — Я лишь вышел ночью на минутку помочиться и все... Я припоминаю, что кто-то бегал тогда по пшеничному полю, но это было вдали, и при свете молодого месяца я не разглядел, кто это был...

«Боже!!! — взмолился про себя император. — И ради всего этого они лишили меня королевской охоты!!! Куда мир катится?!»

Фермер тоже с трудом припомнил злодея, но лица его не рассмотрел по причине ночной темноты.

Природа — самый главный художник, и она рисует там, где и когда ей вздумается. Очевидно, что-то подобное думал старый фермер, обнаружив поутру на своем пшеничном поле свалившиеся в снопы растения. Словно какая-то неведомая сила порезвилась минувшей ночью, разметав все в разные стороны. Селянин крестился и молился всем своим баварским святым.

Наконец после долгих прений и крючкотворских дрызг судья «умыл руки» и вынес свое окончательное решение, приговорив обвиняемого к штрафу. Плачущего осужденного отвели на рыночную площадь, где привязали к позорному столбу. Столь желаемого им пива он в тот день так и не хлебнул, и это стало для него самой настоящей трагедией...

Но на этом дело не завершилось. Оно, напротив, только-только начинало набирать свои обороты.

* * *

Император взглянул на напряженное и хмурое лицо инквизитора и нехотя предоставил ему слово:

— Теперь, когда остались лишь свои, — пригласил он его к диалогу, — давайте поговорим о серьезном...

— Сегодня, 10 октября 1347 года от Рождества Христова, — начал пафосно свою речь инквизитор после длительной благодарственной тирады своему земному повелителю, — и мы рассматриваем дело вовсе не о какой-то банальной потраве пшенич-

ного поля, а о том, как и кем это было злонамеренно сделано... В этом деле есть некие скрытые моменты, недоступные для взора и понимания непосвященных обывателей, этих никчемных и жалких невежд, — пояснил он всем свою мысль. — Я намерен разоблачить преступление, совершенное против веры с использованием черной магии. И, разоблачив, сурово покарать преступников...

«Этот мохнорылый инквизитор, — думал тем временем император, всматриваясь в лицо главного церковного следователя, — никогда не чистит свой нос от волос... Поэтому всегда неровно дышит ко всему, что выходит за рамки его узкого умишка... И о чем думали те, кто назначал его на эту ответственную должность?!»

— Перед нами не просто потрава пшеничного поля! Перед нами проявление наивысшего злодейства! — продолжал злобно верещать инквизитор, взад и вперед бегая по залу суда. — Находясь на земле, эти знаки не увидеть. Но когда я встал на ходули и прошелся по полю, мне все стало ясно. И что я с высоты увидел? Дьявольские рисунки — различного рода пентаграммы и знаки грядущего апокалипсиса. Тот, кто нам оставил эти послания, был связан с дьяволом! Поэтому я смею обвинять пивовара и фермера в том, что ими двигал отец мирового зла — дьявол и они были его орудиями, а значит, они виновны в том, чтобы быть осуждены в качестве его приспешников. Они соприкоснулись с нечистью и стали нечестивыми, поскольку сатанизм оставил на них свои следы... Это нечестивцы, зараженные чумой сатанизма. Поэтому их следует предать священному огню, дабы очистить мир от этой скверны...

Стоящий возле королевского трона с обнаженным мечом правосудия молодой паж мысленно грезил будущими рыцарскими подвигами и давно уже хотел в туалет. Лицо его выражало тоску по идеалу и совершенству. А тут какие-то геометрические круги и окружности. Время уходит... Подвиги остывают... И так сильно хочется в туалет...

— В научной литературе это явление получило название *«mowing-devil»* («дьявол-косарь»). — За подтверждением своих слов инквизитор обернулся к академическому сообществу, которое утвердительно кивнуло головой в ответ. — И оно известно еще с незапамятных языческих времен... Но то, что произошло у нас накануне, это история просто из ряда вон ... В одном месте была нарисована сатанинская пятиконечная звезда, на другом какие-то круги и окружности... Мы столкнулись с темными силами ада. Эта их отрицательная энергия идет из недр Земли, из врат самой преисподней, и этим знаком помечают грешников и гиблые места...

— А может, она исходит сверху из врат рая... — возразил ему астроном. — Может, это послание самого апостола Петра?

— Предполагая лучшее, готовясь к худшему... — резонно заметил представитель инквизиции. — Эти агроглифы внушают больше ужаса, чем благоговейного трепета... Эти круги на полях — предзнаменование грядущих бед, а не побед: войны, наводнения, засуха, неурожай, голод, мор... Всадники Апокалипсиса уже в пути...

— Наши скептики указывают на отсутствие фактов, подтверждающих или опровергающих эти гипотезы, — резонно заметил астроном. — Все эти домыслы крайне субъективны и внутренне противоречивы. Но самое главное, они не соответствуют принципу «Бритвы Оккама» — они приумножают наши заблуждения... Очевидно лишь одно: у современной науки нет объяснений возможных причин возникновения этих иероглифов... Схоластика здесь бессильна что-либо сделать...

— Сам факт того, что эти бесовские рисунки были сделаны на пшеничном поле, из зерна которого мы делаем хлеб, в том числе и хлеба для причастия, указывает на то, что это самое настоящее кощунство! Более того — это сатанизм! И я требую сурово покарать этих демонопоклонников! — Инквизитор еще около часа продолжал развивать этот тезис и всегда возвращался к одному и тому же выводу: «Костер!»

— Мы поручаем вам, святой отец, со своей стороны провести самое тщательное расследование этого инцидента и сурово покарать всех виновных... — вынес окончательное решение император, и инквизитор расплылся в довольной и подобострастной улыбке...

* * *

Император с миром отпустил инквизитора и, взглянув на своего придворного астронома, многозначительно произнес:

— Ну, а теперь давайте поговорим о более серьезном...

— Религиозный фанатик! — презрительно бросил в спину удаляющемуся служителю церкви ученый, выходя и становясь перед императором для своего научного доклада.

— Каким будет ваше экспертное умозаключение? — поинтересовался у представителя науки представитель земной власти.

— Ваше Величество! — начал с поклона свой доклад придворный астроном. — Если мы поверим этим бредням инквизитора, то окажемся в весьма смешном положении. Нет, я, конечно, уважаю его сан и седину, но он совершенно неправ. Представители его профессии, как всегда, заблуждаются, вводя и нас в это неопределенное состояние...

— Мы согласны выслушать и вашу версию этих событий...

— Мнение инквизитора интересно с точки зрения церкви, но антинаучно с точки зрения академической науки... — продолжал гнуть свое ученый. — Науку интересуют не козни дьявола, а то, что творит природа... Главное не то, что этот селянин потравил пшеничное поле соседа, а то, как он это сделал. Вопрос в том, зачем он нарисовал эти круги. Зачем и как?! Это очень сложные пиктограммы, изображающие не вполне понятные символы, то ли каких-то фантастических зверей, то ли какие-то неведомые математические уравнения, непонятные нашему разуму спирали или паутины или же просто узор без очевидных значений. Мы теряемся в интерпретации этих символов...

Ученый на секунду прикрыл глаза и мысленно представил себе пшеничное поле и то, что могло на нем произойти в прошедшую ночь. Разметывая в разные стороны спелые колосья хлеба, утренний ветер проворно бегал по полям, то и дело совершая какие-то странные загибы и коленца. Казалось, чья-то неведомая рука водила этим воздушным потоком, пришедшим то ли из самых недр Земли, то ли из неведомых глубин бескрайнего Космоса. То, что этот ветер рисовал на поле, было одновременно и красиво, и непонятно, вызывало смятение чувств, и восхищение, и страх, и удивление.

— Изученные нами примеры, — продолжил он свое выступление далее, — показали, что во многих случаях колосья в фигурах на полях примяты, погнуты и закручены, но не сломаны. — Он достал лист пергамента, на котором было изложено их научное заключение, и зачитал точно по тексту: — «При этом сама закрутка колосьев может быть в любую сторону, и зачастую в одной и той же фигуре встречается закрутка, как по часовой стрелке, так и против. Может так же быть, что в одном и том же круге встречаются различные слои, закрученные в противоположные стороны, при этом наблюдаемые фигуры на полях геометрически очень точны». От себя добавлю, что наши исследования показали, — заключил он, — что это не банальная погрешность, а высокотехнологичное искусство, недоступное для примитивного ума пивовара или фермера. Они вообще не имеют никакого представления о геометрии, физике или метафизике. Все их знания на уровне обыденного представления их ремесел.

Ученый представил императору несколько листов с зарисованными на них изображениями, которые были оставлены неведомой силой на пшеничном поле.

— Я взобрался на самое высокое дерево (ею оказалась старая осина), и что я увидел? — продолжил он свои объяснения. — Удивительные узоры и таинственные знаки судь-

бы. Такие знаки я обнаружил в старинном манускрипте о цивилизации рептилоидов, в допотопные времена управлявшие Землей. Как говорят знающие люди, потомки этих монстров по-прежнему живут среди нас и даже в отдельных случаях управляют под видом людей целыми государствами. Они способны принимать обличье человека, но в сущности своей остаются рептилоидами... Отсюда и все проблемы человеческого рода: войны, насилие, голод, несправедливость...

В зале повисло тревожное молчание.

— Я даже в этой связи ввел в научное оборот специальный термин: «экзополитика» (влияние инопланетных цивилизаций на земную политику)... — пояснил ученый.

И чего только не придумает человеческий разум, чтобы позабавить себя!

— Это единственно приемлемое объяснение происходящих с нами катаклизмов... — заявил он и добавил самый весомый и самый убийственный аргумент: — Драконы вымерли... Атлантида погибла...

— Нет, ну кто же с этим спорит... — пришлось согласиться с его доводами императору, на глаза которого перекосились до неузнаваемости лица представителей клерикальной общестственности Баварии. — Однако хотелось бы поподробнее об этом всем узнать... Так сказать, детали...

— Извольте! — охотно пошел на откровенный разговор астроном, явно имея в рукаве какие-то козырные доводы. — Самым верным доказательством того, что рептилоиды среди нас, является кладка гигантских яиц, что была нами обнаружена в подземелье королевского замка... Эти яйца крупнее страусиных, но самое главное — это свежая кладка яиц... И я только могу себе представить, что могло бы вылупиться из этих адских яиц, если бы не наше своевременное вмешательство...

Император напряженно и внимательно слушал своего придворного астронома и, заметив бледность на лице своей супруги, ласково улыбнулся:

— Дорогой друг! — обратился он к ученому. — Стоит ли так пугать нежные женские души страшными рассказами о каких-то там... рептилоидах?! Когда и кто их видел в последний раз? Кажется, это был Адам, искушенный змеем... Так когда это все было?

— Но это самое разумное объяснение происходящего, — настаивал на своем мнении ученый. — С логикой не поспоришь. А я в исследовании этого вопроса применил новейший метод вашего придворного метафизика магистра Уильяма Оккама, ушедшего от нас в мир иной в апреле этого года... «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*!» — бойко проговорил он по-латыни. — Поэтому *не будем умножать сущности без необходимости*... И этого малого достаточно для того, чтобы прийти к подобным правильным выводам. Эти сообщения не для нас — они для «них»... «чужих»... — таинственно прошептал он. И эта его таинственность зловещей тишиной повисла в зале, где происходил весь этот кулуарный разговор. — Кто это сделал — великий геометр, — признался ученый. — Простым смертным такое не дано. Это механика черчения космического порядка.

Император нервно постучал пальцами по подлокотнику своего кресла и перевел взгляд на притаившихся в углу потолка стаю летучих мышей.

— А «чужие» эти сообщения уже прочитали? — осторожно поинтересовался он у астронома, видя, как у его супруги от страха затряслись руки.

— Думаю, что да... — утвердительно отвечал ученый. — И «они», — он указал взглядом на потолок, — все видят и внимательно за нами наблюдают...

Император привык к тому, что его ученые академики удивляют его своими невероятными научными объяснениями. Но услышать такое от них он никак не ожидал.

— Я вот как думаю... — далее поделился своими сокровенными мыслями ученый. — Если Земля есть нечто большее, чем мы о ней в настоящее время знаем, то должны

о ней придумать нечто пока невообразимое. Представьте себе, что электромагнитное поле Земли, как зеркало, принимает и обрабатывает информацию из Космоса об устройстве материи и энергии Вселенной. Принимает и копирует ее в виде своих земных материальных объектов, как та живая клетка... На Земле нет ничего такого, чего бы не было во Вселенной, и наш мир есть «копия» космического всего. Мы часть этого великого всего, но лишь в уменьшенном виде...

— Безумец! — враждебно зашипел возникший из-за спины монарха его духовник. — За такие речи его следовало бы отправить на костер...

«Я вижу, как далеко продвинулось человечество, раз оно заговорило о живой клетке... — с грустью подумал про себя император. — Чую, наш эксперимент зашел слишком далеко...»

Воспользовавшись тем, что внимание всех было сосредоточено на жарком научном диспуте, молодой паж незаметно зашел за трон императора и поспешно справил там свою малую нужду. Довольный сделанным, он вновь с облегченной душой занял свой пост и как ни в чем не бывало продолжил мечтать о своих будущих рыцарских подвигах.

— Мое общее заключение, — подвел итог своему выступлению астроном, — данные узоры — это есть сигнал из далекого космоса, который посылают нам другие миры... Самое лаконичное объяснение будет самым точным. Остается только выяснить: злые это силы или добрые? Но наука на это пока ответить не может...

— Так идите и узнайте это! — нетерпеливо велел ему монарх, уже усомнившийся в том, что он вообще когда-либо попадет на медвежью охоту.

Академики обещали все измерить и официально досконально задокументировать все обнаруженные на полях рисунки.

* * *

Император отпустил своего придворного астронома и, озабоченно взглянув на императрицу, произнес:

— Ну, а теперь давайте поговорим о самом серьезном... Что значат эти сообщения? — показывая ей принесенные ученым бумаги, спросил он ее.

— Они не прилетят... — сухо отвечала супруга. — У них какие-то возникли проблемы в альфе Центавра. Поэтому наша эвакуация опять откладывается на неопределенное время...

— Сколько можно! — захныкал наследник престола. — Я скоро сдохну здесь в этой проклятой шкуре на этой чудовищной планете...

— Кто бы мог подумать тогда, двадцать пять тысяч лет тому назад, — сняв с головы корону, озабоченно почесал свою макушку император, — когда мы впервые сошли на эту планету, что мы застряем в этой средневековой дыре на столь продолжительное время...

— Это не наша вина, а наша беда... — попробовала возражать ему его тронная супруга.

— Мы деградируем, и эта деградация происходит с угрожающей скоростью... — посоветовал император. — Вначале мы были богами, затем царями, а вскоре и вовсе превратимся в бытовых забулдыг...

— Для нас самое главное сейчас не посыпать голову пеплом, а решить, что делать дальше, — напомнила ему о проблеме его императрица.

— Топорно это дело уже не решить... — Император вновь надел на свою седую голову тяжелую корону. — Самое для нас неприятное то, что человечество за это время заметно поумнело... Раньше было проще им манипулировать...

В зале повисла неопределенная пауза, во время которой каждый подумал о своем.

«А я уже чувствую себя за них в ответе... — подумалось тому, кого все считали своим императором. — Научили их быть людьми, теперь сами от этого неудобства терпим... А самое главное, я уже стал чувствовать вину за первородный грех Адама и Евы... Никто за чужие грехи не отвечает, если, конечно, он их сам не повторяет».

— И каково будет ваше окончательное решение по этому пикантному делу? — поинтересовалась у супруга императрица. — Только что избавились от одного логика, как на нашу голову объявился другой... Ты прав — на наших глазах человеческий вид явно умнеет, и с ним надо что-то делать, пока он сам не сделал что-то с нами...

— Все будет зависеть от нашего собственного поведения... — Сурово нахмурил брови император. — Сколько раз я запрещал вам, мадам, откладывать яйца в королевских замках!!! Вы все никак угомониться не можете... Эти ваши эксперименты с собственным оплодотворением с человеческими самцами до добра нас всех не доведут... По империи уже ползут скверные сплетни о том, что я рогоносец, а ваши многочисленные любовники получают доходные придворные должности через вашу, мадам, безразмерную постель...

Императрица попыталась было что-то прошептать в свое оправдание, что она, мол, женщина (самка) и, дескать, томится острой потребностью в продолжении их рода, но император не стал ее даже выслушивать до конца, сославшись на то, что слышит все это уже в тысячу сто первый раз.

— Самое страшное, — подвел он итог их увлекательной для нас дискуссии, — что мы можем с человечеством сделать — наградить его одиночеством... Человек — парное существо. Одиночество — исключение. Поэтому когда одиночество достигает своих критических размеров, общество деградирует... Поэтому применим вновь придуманный и не раз опробованный нами принцип «Divide et impera» (разделяй и властвуй).

Людвиг Баварский загадочно взглянул на свою королеву, совершенно не скрывая перед ней свою рептилоидную улыбку, и решительно изрек:

— Поле запахать, фермеру заплатить за потраву, инквизитора наградить за бдительность, астронома казнить за пронизательность... Уж слишком близко он подошел к истине... Признаюсь, моя вина... Нужно было выбирать астролога, а не астронома... Астрология — безопасная для нас наука. Ее и будем продвигать дальше в массы...

* * *

Пока сильные мира сего решали их судьбы, в подвале палач кнутом и каленым железом выбивал из фермера и пивовара нужные показания. И те охотно признались, что, сговорившись, вместе устроили этот ведьмовский шабаш на пшеничном поле и что к этому их подтолкнула нечистая сила. Инквизитор был доволен и «умыл руки».

Фермер устал от допроса и жестоких пыток, поэтому признал все, что от него хотели услышать его палачи: да, был, да, состоял, да, согрешил... И то, что его приговорили к сожжению на костре, его даже не огорчило, потому что пытки на допросе были во сто раз хуже этого огня. Он так и не понял, за что его судят и каких признаний от него требуют. Да это, в общем, было уже и неважно. «Козлам отпущения» необязательно знать, за что их предают на заклание.

Фермера под проклятие толпы приволокли на рыночную площадь и привязали к столбу, обложенному со всех сторон дровами. Спиной к спине с ним стоял связанный и привязанный к тому же самому столбу его друг пивовар, которому за многоэтажную брань в адрес палача пришлось урезать язык. Теперь он бессмысленно мычал и тряс головой...

Уже через час костер аутодафе прекратил все их земные мучения...

Круги на полях успешно запахали и вскоре про них все забыли...

Астроном через неделю стал епископом, а после сделался инквизитором, ведь «*inquisitio*» означает розыск, исследование, расследование всего, что в нашем мире связано с человеческим грехом...

«ГУМАНИСТ»

Пятый час кряду английский посол при московском дворе сэра Джером Горсей пытался объяснить русскому царю Иоанну Васильевичу, что такое гуманизм по-европейски, а тот все никак не мог или не хотел этого понять. За окном стоял душный август, и так хотелось опрокинуть кружечку свежего холодного пива в иноземном трактире в Немецкой слободе, что аж губа начинала от этого хотения трястись. А тут сиди и тупо вдалбливай этому тупице (и по совместительству русскому царю), что такое гуманизм и кто такой гуманист. И ведь ладно бы он просто сидел и слушал его, так нет, он еще ему какие-то хитроумные вопросы задает.

Так примерно рассуждал посол, льстиво и весьма красноречиво рассказывая царю о последних новостях двора своей английской королевы. Он знал очень много аналогичных сплетен и о других европейских монархах. Но русского царя почему-то интересовали исключительно только одни английские дела.

— Да он у вас просто уголовник! — в сердцах воскликнул русский царь, услышав о кровавых злодеяниях английского короля Генриха Восьмого Тюдора. — Столько народу зря перевел! И что, за бродяжничества вот так он запросто брал и их всех казнил?

Английский посол удивленно поморщился:

— Так объективные обстоятельства его к этому вынуждали! Как говорят у вас на Руси: «производственная необходимость»! — попытался он растолковать царю тонкие нюансы внутренней политики своего Туманного Альбиона. — Без этого порядка в стране не было бы... Ведь бродяги — позор нации! Они бездельники и своим бездельем наносят колоссальный ущерб экономике своего государства... Вот наш король с этим злом и боролся...

— Да банальным серийным убийцей он у вас там был...

— О! Он был великий гуманист!

— А чем тогда ваш просвещенный гуманизм отличается от дикой восточной тирании? — опять задал неудобный вопрос царь, переводя опять разговор в неприятную для англичанина плоскость.

— Ну, вы, Ваше Величество, и сказали! — Развел руками посол. — То — Европа, а это — Азия! Азиаты всегда были дикарями...

— Помнится мне, — передразнивая английский акцент своего собеседника, парировал монарх, — что и вы, европейцы, большей частью пришли из этой самой дикой Азии...

— Так то когда было?! — не поняв его насмешки, отвечал Горсей, еще больше от волнения усиливая свой акцент и неприятные для русского слуха ударения. — Сейчас времена совсем изменились.

— Если бы я казнил всех своих нищих за то, что они просто нищие, то не было бы у нас ни Василия Блаженного, ни нищенской брани преподобного Сергия Радонежского... А без них какая у властей совесть была бы? Худой... Совсем худой...

Посол попытался что-то ему пояснить, но царь его остановил:

— Мы говорим о разных вещах — ты мне о храме мудрости, а я тебе о храме совести... На кой ляд мне сдалась такая мудрость, которая уводит меня от совести? Ведь если есть во мне совесть — я человек!

Посол заерзал на стуле. За такие речи у них в просвещенной Европе вешали на первом же суку. Поэтому он уже начал опасаться, как бы и его не постигла та же самая печальная участь. Но в тот вечер удача была на его стороне. Судя по всему, царю наскучили его заумные беседы, и он приказал принести вина и меда. На языке тогдашнего дипломатического протокола это означало, что прием посла стал близиться к своему завершению.

И действительно, царь перевел взгляд на привезенный сэром Горсеем портрет английской королевы Елизаветы Тюдор, которую за глаза уже успели его придворные остроловы прозвать «Рыжей Стервой». Такие портреты в те доинтернетные времена посылались потенциальным женихам от потенциальных невест и наоборот.

— А что, твоя королева действительно так хороша, как она здесь изображена? — задал формальный вопрос вежливости Иоанн Васильевич.

— В жизни еще лучше...

«Значит, — подумал про себя царь, — мои физиогномисты правы... Опасайся коровы спереди, лошади — сзади, а дурной бабы — со всех сторон...»

Посол украдкой взглянул в окно. Там уже была темень. Горсей знал, что сегодня у трактирщика Варфоломея из Немецкой слободы именины, и он будет бесплатно по русскому обычаю проставляться. Совсем обрусел трактирщик. А на русскую халяву его английское джентльменство всегда охотно было прийти.

— А что она тогда тянет с ответом? Или ты думаешь, что я не ровня вашей английской королеве буду? Так власть моя державная с одной стороны от византийских царей идет, а с другой от вандалских владык, которые царство свое в Африке держали, и Рим Первый захватывали. Через тех вандалов Рюрик Варяжский, предок мой, на Русь пришел и здесь дом свой основал... А ваши все западные короли в предках разбойников да воров имеют... А мне, царю Иоанну Васильевичу, сейчас потомки самого Чингисхана служат, поскольку я царства Казанское, Астраханское и Сибирское к своей державе Московской присоединил...

— К моей королеве сватались самые знатные правители Европы, и она всем им отказала... — напомнил царю историю брачных отношений посол. — Моя королева любит повторять, что она замужем за Англией...

— Это что ж выходит, баба на бабе жената... — послышался чей-то ехидный голос из темноты.

— Цыц! — грозно пресек всякую вздорную болтовню царь. — Это мыши... — прояснил он послу, заметив его встревоженный вид. — Ты на них не обращай внимания и не обижайся. Они порой у меня всякий вздор несут...

Посол подозрительно посмотрел по сторонам, не поняв и потому не оценив царского юмора, но на всякий случай поджал под стул, на котором сидел, ноги, потому что с детства боялся злых английских крыс. Какие они здесь, в Московии, посол не знал, а потому всего опасался.

— Так что насчет моего предложения ей руки и сердца? — напомнил царь об истинной цели их сегодняшнего разговора.

— Моя королева просит прислать ей ваш портрет, государь... — ожидаемо отвечал посол. — Необходимо соблюсти все нормы придворного этикета... Формальности, но без них никак...

Царь заметил трясущиеся губенки иноземца и подумал:

«Ну что за народ! И этот предо мною со страху ссаться начинает... Ладно, когда свои это делают! Но этот чего меня боится? Что я ему плохого сделал?!»

— Я слышал, что без решения своего парламента королева и шага ступить не может? — обратился царь к послу.

— Эта зависимость сильно преувеличена... — все еще опасаясь обещанных ему мышей, отвечал посол.

Беседа была приватной и не предполагала огласки. Царь сам позвал посла для откровенного разговора, намереваясь подтвердить серьезность своих намерений просить руки английской королевы.

Посол настороженно присмотрелся к неосвященной части комнаты, в которой проходила их приватная беседа, и, к своему немалому ужасу, различил пристально смотрящую на него пару глаз.

«У мышей таких глаз не бывает! — чувствуя, как начинают у него дрожать поджилки, подумал он, с головы до пят обливаясь холодным потом. — Это точно демоны! Это бесы!»

Царь сам налил и подал иноземному гостю чарку медовухи.

— Болезнями дурными хворала? — очень доверительно поинтересовался он у него.

— Что вы! Что вы! — в еще большем страхе заверещал посланник, чуть было не выронив из рук золотую чарку. — Она же королева-девственница!

— Дурак!!! Я имел в виду голову, а не зад... — Презрительно взглянул на него царь. — Все вы, иноземцы, не о том думаете...

— Ах, это! — заметно успокоился Горсей. — Нет, с этим у нее все в порядке... Читает Макиавелли и Томаса Мора... Очень любит гуманистов и сам гуманизм... Казнит только строго по четвергам, много издает книг и еще больше постится...

— Сразу видно: образованный и просвещенный монарх... — похвалил ее царь. — Я тут тоже у себя завел типографию... — похвалился он послу. — Печатаем понемногу кое-что... Как-нибудь покажу, чтобы было что потом рассказать...

Посол растекся в дежурных изысканных придворных благодарностях и похвалах, коих мы не имеем возможность из-за краткости нашего рассказа здесь полностью привести. Скажем, что сам русский царь тоже не все понял, что хотел ему в лести выразить англичанин.

— Ну, ступай с миром... — Протянул Васильевич послу для поцелуя руку. — Там тебя в приемной подарки мои царские ждут... Не обессудь, ежели что было не так...

Горсей бодро поднялся, проворно чмокнул царя в перста и, пятясь задом, удалился восвояси.

— Вот наслушаешься их липких речей и сам усомнишься в подлинности своего существования... — устало признался самому себе царь. — Они из меня уже начинают создавать какой-то миф... Причем миф весьма странный и страшный... И ведь что интересно — ни стыда, ни совести во всем этом бесноватом карнавале нет и никогда не было...

Поразвлекавшись вдоволь с иноземцем, государь всея Руси решил теперь взяться за серьезное дело — управление своим государством Российским — и, как раб на галерах, вновь впрягся в ярмо своих политических обязанностей.

* * *

— Эх, совесть, совесть! Что ты делаешь с человеком? — тяжело вздыхал Иоанн, берясь снова за перо. — Тяжко, ой как тяжко всех, кого загубил, поименно вспомнить... — Царь взглянул на лежащий перед ним лист пергамента — поминального списка, писанного им самолично для монахов Соловецкого монастыря. — Вот она — летопись моих грехов! Всех, кого опричиною загубил, вспомнил... Даже этого шелудивого пса Ваньку Милославского, что велел повесить на его собственных воротах третьего дня, вписал... Хотя ему, казнокраду и разбойнику лютому, гореть в геенне огненной до конца всех времен пристало...

Царь налил себе еще стопку медовухи.

— Выпьешь со мной? — предложил он кому-то, глядя в темноту.

В ответ послышалось отрицательное ворчание.

— Ну, тогда я один пригублю... — Царь степенно махнул чарку-стопку и громко крикнул. — Подумать страшно — семьдесят тысяч казней... Душегуб проклятый! Да я бы давно уже с ума от всего этого сошел. Тут пять тысяч казнил, и то кошмары по ночам мучают, а этот столько душ загубил, и ничего... Гуманист...

Невидимая рука подняла стоящий перед ним золотой кувшин с медом и налила царю третью чарку.

— Ну, объяснили мне эти гуманисты, — продолжал тем временем сам с собою говорить Иоанн Васильевич, легким поклоном поблагодарив того, кто ему налил, — что такое этот их гуманизм, но лучше мне от этого не стало. Я вот что думаю: или они мне что-то не так истолковали, или они сами еще не гуманисты... Мне и раньше мои послы и купцы доносили, что там у них на Западе всякие безобразия творятся, да я им по глупости своей не верил. Думал, брешут... Ан нет... Все сходится...

Царь всмотрелся в темноту неосвещенной части своих покоев и с трудом разглядел пару неморгающих глаз, внимательно наблюдающих за ним.

— Да, Малюта... — посетовал царь своему верному телохранителю. — Никогда нам не быть в числе просвещенных народов Европы...

Стоявший все это время тенью позади него Малюта Скуратов, вышел на свет и, склонив над царем свою буйную голову, отвечал:

— А ну как послать нам эту Европу к такой-то их матери и жить своим умом... — осторожно предложил ему Скуратов. — Чего нам с них пример брать?

— Это верно.... Послать можем... И прожить без их ума тоже, наверное, сможем... Так вот только приедут такие, как этот англичанин, посмотрят на нас своим просвещенным умом и напишут потом про нас бог весть что... Слышал сам, как он о правах человека говорил... Соловьем заливался... А то, что их король Генрих столько народу извел, не в счет у них будет... А тут пять тысяч душ загубил, и совесть уже не на месте...

— Так права человека нужны человеку. А ежели ты не человек, то и прав тебе никаких не надобно... Поэтому все эти их разговоры о человеке — пустая болтовня...

— Быть может, ты и прав, но поговорить с умным человеком я всегда могу... Меня с детства ведь как учили: главная ценность бытия — человек. И когда он исчезает, исчезает и сам смысл этой жизни. Но человек человеку рознь. Есть такие разбойники, как Ванька Милославский, а есть такие праведники, как Максим Грек... Одного надо давать, как клопа, второго — размножать, как таракана... И я так по этим заветам и жил. А тут приезжают эти умники и начинают свое желаемое выдавать за наше действительное... Вот и пойдешь пойми их, кто они: непризнанные праведники или прожженные лгуны...

— Нет, хочешь казни меня, но я все равно буду на своем настаивать — Европа нам не указ! — Нахмутив лоб, качал головой Малюта. — Они там все конченные алкаши. У них в кабаках так пьют, что аж за версту от них спиртягой разит. А еще нас упрекают за то, что мы чеснок жрем...

— Так чеснок гораздо полезнее для здоровья будет, чем этот их зеленый змий! — поскребя себе висок пером, согласился с ним царь. — А запретить им пить я не могу. Традиция, говорят...

— Все ты боишься невеждою прослыть! — упрекнул его боярин. — А того тебе, государь, неведомо, что они там о нас, московитах, болтают. Вон хотя бы спроси, что о нас поляки да литва думают. Жуть. Послушаешь их, так мы не люди, а дикари пещерные...

— Нет... Ну, женитьба моя на английской королеве должна все эти их разговоры пресечь...

— И что ты с этой костлявой худышкой делать будешь? — Критически прищурил свой зоркий глаз Малюта, рассматривая присланный из Англии портрет королевы Елизаветы. — У ней ни рожи, ни кожи... Да к тому же ей уже за сорок... Кого эта старуха тебя народит?

— Тут самое главное не свадьба, а сватовство...

— Так какого ляда тебе эта англичанка сдалась? — доверительным дружеским тоном обратился боярин к царю. — Женись на нашей русской бабе... Она тебе столько еще детишек нарожает!

— Ничего ты не понимаешь в семейно-брачных отношениях сильных мира сего! — попытался вразумить Малюту царь. — Это такая у нас забава, такая игра — друг перед другом в силе и в славе мериться! Никому эта английская стерва не нужна, да и ей самой никто не нужен! Но показать, что к ней есть интерес и что у нее есть своя некая заоблачная цена, надо для поддержания имиджа... Я не печалюсь, что она мне откажет, а страшусь, что она может согласиться... Слышал я от многих, что любит она пошутить и даже какой-то там театр у себя в стране завела...

— Я бы рыжим не доверял... Лугны они все...

— Ты, Малюта, оказывается, у меня гомофоб... Не замечал я такого раньше за тобой...

— Да как тут не станешь этим самым гомофобом, когда каждый норовит тебя объе... горить... А эта, по портрету видно, та еще штучка будет...

— Семейство у нее уж больно знатное... В роду ее все были короли...

— Да уж знатное... Папашка ее старорежимный — серийный маньяк! Сестрица — Кровавая Мэри! Да и сама она давно уже не девочка в политике — все руки по локоть в крови! Одних только любовников через ее постель с пол-Англии пройти уже успело! И все еще девственницей считается! Представляешь, с какой семейкой породниться ты хочешь! И чему такому хорошему они тебя научат? Испортить — да, лучше сделать — никогда...

Царь взглянул на книжный шкаф с толстыми фолиантами старинных книг.

— Говорил мне Максим Грек, — вспомнил он своего наставника, — что для управления такой огромной державой, как наша, ум великий иметь пристало... Так, видно, у меня этого самого ума и не хватает...

— Думаешь, ум пополнить от их мудрости? Ты вон сколько книг своей бабки уже прочел, столько они в своей жизни не выдывали... Это не ты, а они должны за тобой гнаться, да только что-то их очереди за тобой я не вижу...

— Умный человек всегда своей учебой озабочен, а иным ум и вовсе не нужен, поскольку горе великое от него порой бывает...

— А что они о наших банях балакают? — Скептически пожал плечами Скуратов. — Считают их преисподней и боятся туда ходить. Так, прости Господи, вонючими и ходят, дескать: «Боимся смыть святую воду крещения и причастия...»

— Почаще надо причащаться и каяться...

— Как ты, государь, с ним столько времени говорил и не задохнулся! Смердит же он на три версты! Я, ко всему привыкший на войне, и то стыдился к нему приблизиться...

— Смирение и горы гордыни перетирает в порошок...

— Смирение — это да! Но «гигиену» свою надо почаще мыть...

Малюта так до конца и не понял, с кем, а самое главное — зачем царь общается с этим человеком. То ли по принуждению обстоятельств, то ли по какой-то иной тайной необходимости, но их тянуло постоянно быть вместе. То, что их объединяло, назвалось «властью». И Скуратов часто признавался сам себе, что именно с царем его жизнь стала полнее и более осмысленной. А самое главное — ему было с ним интересно.

— Нет страшнее наказания, чем пустая жизнь! — рассуждал он, стараясь быть предельно объективным, прежде всего в отношении себя. — А многие получают такой пожизненный срок, даже и не понимая этого...

— Они говорят о гуманизме как о каком-то новом чуде. — Почесал бороду царь. — А чудо есть то, что Бог все еще терпит нас, что мы еще живы... Православный человек крепок духом, локтями и лаптями...

— А что говорят звезды?

— А что они могут нам говорить? Верить звездам — себя смешить! Я давно уже понял главный закон астрологии: звезды управляют дураками, а умные управляют звездами...

— Я думаю, что тому гуманисту, что только что от нас ушел, все едино, что в храм сходить, что с девками в Немецкой слободе загулять...

«Уперлись в эту Европу, как баран в ворота, — думал царь, косо поглядывая на оставленные иностранцем на столе дипломатические бумаги. — Лбом стену не прошибить. Стена кирпичом своим сильна. И каждый возводит у себя свою собственную стену, в которой видит свою основу и опору. Для меня кремлевская стена — мое успокоение, и иной опоры у меня просто нет. Я давно уже вошел в нее и растворился в ней без остатка... Я стал частью этой огромной системы под названием русское государство...»

Царь поправил растрепавшуюся бороду и, поморщившись от боли в боку, жестом потребовал подать ему какого-то целебного отвара. В уме его, словно заводная мельница, навязчиво крутилось одно и то же слово «Гуманизм! Гуманизм! Гуманизм!».

— Видишь, Малюта, и эти тоже про любовь по-своему толкуют... — Испив лекарства, покачал он головой. — Только эта их любовь является любовью к себе и к своим... Их гуманизм есть высшая степень лицемерия. А как можно быть гуманным, не имея совести? Лишенный совести гуманист на поверку оказывается садистом по сущности. Для меня гуманист тот, кто смотрит на простого человека и видит в нем Христа. Помнится, мне еще старец Максим Грек говаривал, что высшей ценностью жизни является человек, поскольку только он один был создан Богом по Его собственному образу и подобию... Вот ты в борьбе с врагами можешь проявлять человечность и любить недругов своих?

Малюта нахмурил лоб, вспомнив лица своих многочисленных жертв. Он понял, что царь намекает ему на то, что у него руки по локоть в их крови. Оттого и носил он, Малюта, всегда красные шелковые рубахи, чтобы скрыть следы пролитой крови.

— Уважал немногих, — мрачно отвечал он, — потому что многие сами были скотами... А ежели человек уподобился скотине, то он не человек... Он сам опустился до этого животного состояния... — Царский любимец поправил на пузе рубаху. — Мог, конечно, с ними обходиться гуманнее... Каюсь... Но результат был бы тот же самый — голова на плахе... Я единицы могу называть невинными жертвами, кто был нами по ошибке казнен. Все больше за дело наказывались...

— Читал я донесения от их иезуитов, что в своих заморских индийских колониях эти самые «гуманисты» вытворяют... — Царь демонстрировал удивительную историческую осведомленность. — Тебе, милый мой, такое и не снилось... Ты, Малюта, младенец пред их конкистадорами...

— Я их университетов, конечно, не кончал, — смущенно покачал головой Малюта, — куда мне до их высокой учености... Но если это гуманизм, то я тогда святой...

— В святцах ты не скоро будешь... — С усмешкой улыбнулся царь. — Точнее — даже о них и не мечтай... Но эти «гуманисты» во святые точно метят и рано или поздно в них попадут... Мы с тобой будем конченными злодеями, а эти конченые злодеи ста-

нут праведниками... Изолгут, перевернут все, лишь бы уйти от ответственности и не попасть на суд истории... Спишут на нас все свои грехи и глазом не моргнут... Столько небылиц обо мне уже по миру ходит... Я не оправдываю нас... Сами грешны... Но мы хоть признаем свой грех, а эти его отрицают... Да еще нагло так! На голубом глазу срут и лгут...

— Я слышал, этот «гуманист» своих жен и министров за малейшее подозрение казнил... — вспомнил Малюта про английского короля. — А его старшую дочку Машку сами же англичане «Кровавой» называют...

Царь машинально вспомнил одного из своих недавно казненных бояр.

— Ну, если бы он был приличным человеком, разве я на него руку поднял бы? — Тут же в свое оправдание возразил он своей взыскующей совести. — А этот был собранием всех мыслимых и немыслимых смертных грехов: злой и мстительный, блудлив как мартовский кот, до одури ленив, не в меру высокомерен, завидовал чужому успеху и богатству, обжирался, как свинья, был жаден и скуп... Со своими дворовыми садистом форменным был! И что? И что мне со всем этим «богатством» прикажете было делать?! Эта паршивая овца мне всю овчарню портила! А самое главное — он сам перевоспитанию не подлежал... Я избавил мир от порока, а меня за это во злодеи записали...

— Вот и получается, государь, — сделал неутешительный вывод Малюта, — что это мы с тобой главные гуманисты, раз боремся с чудовищами в человеческом обличье... Получается, что гуманизм не в том, чтобы любить человека, а в том, чтобы убить в нем зверя...

Царь взглянул на своего личного зверобоя и подумал о том, что у каждого земного правителя должны быть такие слуги для того, чтобы содержать свой «зверинец» в порядке. Власть всегда свысока смотрит на своих подданных, заставляя их трепетать от строгости своего взора. Но ей становится совсем худо, когда подданные начинают смотреть на нее свысока своим помутненным взором.

— Малюта! Мне стыдно за них... — продолжал делиться с ним своими переживаниями царь. — Такое впечатление, что Запад продан дьяволу, и он там теперь всем хороводит... Дьявол — это тот, кому никогда не бывает стыдно. А я дивлюсь их бесстыдству, и мне становится страшно...

Скуратов озабоченно склонился над картой какой-то местности и, запустив широкую пятерню в свои густые кудрявые волосы, тяжело вздохнул:

— Что с Ливонией будем делать, государь?хлопотно и сил много тратим... Я понимаю, что для торговли полезно, но какая торговля, если эти западные владыки понуждают нас к войне с турками, а сами запрещают нам оружие продавать? Мозги устал ломать над этой политической арифметикой! Все русское горе от немецкого ума происходит... Что нам с ними все рядиться? Своим умом пора жить!

Купленные в Швейцарии каминные часы пробили полночь.

Царь призадумался...

— ...Да если бы я знал, что по новым правилам жен можно казнить, разве я бы заморачивался тогда по поводу всяких там монастырей?! Тюк топором... и вдовец... У меня их вон сколько было и сколько еще впереди ожидает... Толпа толпится... Живут же люди... И при этом еще гуманистами остаются...

— Царь-надежа! — обратился вполне официально к нему Малюта Скуратов. — Ты меня, олуха окаянного, прости, но я все никак понять не могу... казнил он там всех лютой смертью, казнил и после всего этого еще и гуманистом остался! Как это так? Вразуми! Не пойму! Ты меня басурманином проклятым называешь, ежели я кого-нибудь без твоего царского ведома пришибу... А тут целые горы народа под топор, и... гуманист! Это что с миром творится, если в мире такое происходит?

— Молись, Малюта, молись! — отправляясь в дворцовую часовню, приказал своему ближайшему боярину царь. — С первыми петухами в собор к Василию Блаженному пойдём... Грехи свои и мира вымалывать будем... Чую я, что этой ночью что-то недоброе должно случиться... Зло над миром сгущает свои черные тучи... Сердце места себе не находит... Ой, тяжело, тяжело мне ноне...

* * *

Выйдя из Кремля, английский посол спешно направился в Немецкую слободу за желанной и целительной кружкой прохладного пива. Что ни говори, а проживавшие в Москве немцы умели варить отличное баварское пиво. Не такое отменное, как их английский эль. Но пить его все-таки можно было английскому горлу.

— Понастроили тут всяких кривых башен... — Проезжая мимо собора Василия Блаженного, выглянул он в окно своей кареты. — Того и гляди, эта громада тебе на голову когда-нибудь упадет...

— Тиран московский! — ворчал в сердцах сэр Горсей. — Столько мучить своими глупыми расспросами... И наши ученые тоже хороши — что еще за такой «гуманизм» диковинный придумали? И где они его только нашли?! Ученые наши неправильно мысли путают о своем! А мне отдуваться за них приходится... Я что ему, философ, чтобы на такие вопросы отвечать! О каком-то там Платоне вздумал спрашивать? Знал я одного такого Платона... — Нахмутив лоб, напряг Джером свою память. — Так звали пуделя графини Эссекс... На что ему сдалась эта собака? Охотой вроде бы он не увлекается, все больше за книгами сидит? Тоже мне правитель! Нашел чем заниматься. А еще свататься надумал к английской королеве... Варвар! А напишу-ка я в своем отчете моей королеве, что московит — форменный тиран и деспот азиатский; что может ее в постели запросто в порыве ревности придушить, как душит своих наложниц в своем гареме... Напугаем королеву-девственницу его варварскими привычками, она ему и откажет в руке... Они думают, что это только они одни великие люди! Нет, дорогие мои короли и цари! Есть и над вами тоже управа! Грамотный придворный может и вами управлять, и направлять вас в нужное для него русло...

Оставленное после частного общения с русским царем неприятное послевкусие способно было вконец испортить ему настроение того вечера. Спасло, что трактир немца находился совсем рядом с Зарядьем, и вскоре англосак стоял уже на пороге его гостеприимного заведения.

— Варфоломеюшка! — Радостно заключил он в свои объятия трактирщика-немца, когда наконец добрался до его злачного трактира. — С именинами тебя, брат! — Расцеловал он его, принимая из его рук увесистую кружку баварского пива.

Здесь, в России, и скверный немец англичанину был за брата, а прыщавый французишка слыл за свата. Русская чужбина объединяла всех иностранцев в одну общую дружную европейскую семью. Так под сенью Московского Кремля начинали складываться традиции единого европейского союза, о котором сами европейцы тогда еще не подозревали...

Даже за столом Горсея не покидали тяжелые мысли, все время возвращавшие его к расспросам/допросам царской аудиенции, которая чуть было не испортила ему сегодняшний праздник.

— Словно на пыточном допросе побывал! — Все никак не мог он успокоиться и после третьей кружки пива. — Всю душу наизнанку вывернул! Такому дай волю — вопросами замордует! И зачем я вообще только о гуманизме заикнулся? Хорошо, что я еще не рассказал ему, как наш гуманист король Генрих Восьмой своего канцлера — придвор-

ного гуманиста Томаса Мора — казнил... Я бы сам всех этих гуманистов голыми руками давил. Понапридумывали всякой заумной хрени, а нам, бедным и сирым, теперь за них отдувайся... — И подняв очередную пенную до краев кружку, предложил тост за прекрасную хозяйку, жену трактирщика, — пышнотелую мадам трактирщицу, в прошлом промышлявшую в Вестфалии ремеслом социально не озабоченных женщин...

Пили много. Пили долго. Дело дошло до солдатских песен и студенческих плясок. Затем учинили в кабаке форменный погром, передрались вначале на шпагах, после — и на кулаках, а под утро отправились пугать московских кошек и где-то в дороге потерялись...

* * *

Очнулся посол от ведра холодной воды, которым его окатили с ног до головы. Прордал с испуга глаза и даже дернулся, а после и вовсе подскочил. Над ним, склонившись, стояли сам царь Иоанн Васильевич с грозными, как всегда, очами и Малюта Скуратов с пустым ведром.

— Тащите его, ирода, в баню! — приказал царь своим сопровождавшим его стрельцам. — Да хорошенько в ней его пропарьте, чтобы вся дурь из него вон вышла...

— Не, не, не... — беспомощно замычал англичанин. — Нихт! Нихт баня! — почему-то по-немецки забормотал он, когда стрельцы, взяв его под руки, куда-то поволокли. — Баня дас ист капут! Капут дас баня! Фоя ада!!! Ахтунг! Ахтунг... Их бин больной!!! — И уже по-русски без остановки и акцента загорланил пьяным баритоном: — «Бывали дни веселые...»

Как говорится, жить захочешь, на любом языке соловьем запоешь!

Царь проводил посла недобрым взглядом и отправился в сопровождении своего верного телохранителя в собор Василия Блаженного замаливать свои грехи и грехи всего мира...

Легко быть гуманистом, когда ты макиавеллист...

Труднее всего приходится тем, у кого есть совесть...